

СЕРГЕЙ ЩУЛЕПНИКОВ

ШАЛЯПИН

В УСАДЬБЕ УТЕШНОЕ

Флёсскому
Музею-заповеднику
от Внучки и правнучков
Щуленникова Жакара Коревна

БИБЛИОТЕКА
Государственного
музея-заповедника

Сергей Щулепников

Шаляпин
в усадьбе Утешное

Магнитогорск

2022

УДК 782(47+57):92
ББК 85.335.41(2)5-8
Щ 95

Щ 95 **Щулепников, Сергей Александрович.**
Шаляпин в усадьбе Утешное / Сергей Щулепников. –
Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2022. – 36 с. : ил., портр.
ISBN 978-5-7114-0822-2

В книге воспоминания автора о встречах с Фёдором Ивановичем Шаляпиным не только в Утешном, но и на его даче на станции Иглать, на его концертах, операх, за кулисами театра, а также в домашней обстановке в Москве и в Петербурге.

УДК 782(47+57):92
ББК 85.335.41(2)5-8

ISBN 978-5-7114-0822-2

© Щулепников С.А., 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
Покупка имени Хмельницы.....	7
Концерт в Нижнем Новгороде.....	13
Коленопреклонение царя Бориса.....	15
Воздух Утешного.....	18
Борис Годунов.....	21
Фарлаф и Дон Базилио.....	25
Иван Грозный.....	26
Два Мефистофеля.....	27
Дон Кихот.....	29
«Театр – это тина».....	31
Горький о Шаляпине.....	33
Завещание.....	34
Примечания.....	34

УДК 782.11257

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЩУЛЕПНИКОВ

(1890 - 1958)

Милому малому Сергеше Щулепникову
от любящего старика Ф.Шаляпин

3 дек. 911 СПБ.

Милому малому Сергеше Щулепникову
от любящего старика Ф.Шаляпин
3 дек. 911 СПБ

ШАЛЯПИН В УСАДЬБЕ УТЕШНОЕ (ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ)

«...летом поедem также к Шулепниковым
и поживём немножко там»

Из письма Ф.И.Шаляпина дочери Ирине
1912 г. Монте-Карло

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Дать человека во всех его противоречиях,
показать «текучесть» человека, что один и
тот же человек может быть то злодей, то
ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то
бессильнейшее существо.»

Ф.И.Шаляпин

В середине 90-х годов прошлого века в газетах всё чаще стала упоминаться фамилия Шаляпин. Молодой певец быстро получил всероссийскую известность, а в конце века завоевал уже мировую славу.

Ещё в раннем детстве я часто слышал от моего отца, большого театрала, восторженные отзывы о Шаляпине и очень хорошо помню его рассказ о том, как исполнял певец роль Ивана Грозного в опере «Псковитянка».

Но в годы моего учения в Императорском Училище Правоведения в Петербурге мне не удалось услышать Шаляпина. На спектакли с его участием в Мариинском театре выстраивались громадные очереди, а перекупать билеты у барышников я не имел возможности из-за ограниченности средств. В октябре 1909 г. в Петербург приехали мама с папой, и мы слушали Шаляпина в опере Серова «Юдифь». Партия Олоферна не принадлежит к числу выгодных для баса, но Шаляпин и здесь создаёт один из своих шедевров. Исполнение им сравнительно небольшой партии ассирийского военачальника покорило меня совершенно. Прежде всего, оно было необычным. В те годы твёрдо держалось общее мнение о том, что оперный певец должен обладать хорошим голосом и уметь носить костюм. Иначе

говоря, быть хорошим певцом и только. Игра, создание образа требовались только от драматического артиста. Россия всегда была богата отличными басами: Петров, Мельников, Стравинский, Власов и многие другие. Но в памяти современников все они сохранились, главным образом, как прекрасные певцы. Шаляпин же умел преобразаться и перевоплощаться до неузнаваемости. Исполнение им партии Олоферна поражало прежде всего удивительной пластичностью движений и поз. Вспоминались фигуры на ассирийских вазах в залах Эрмитажа. Олоферн Шаляпина кажется сошедшим с ассирийских музейных ваз. Все движения чрезвычайно стильны, вдохновение и точный расчёт совмещаются и в медленных, и в плавных, и в страстных эпизодах. Неповторимая шаляпинская пластичность движений придавала особенный колорит всей роли. Мимика артиста поразительная. Даже в «немых» сценах всё внимание зрителей поглощено только Шаляпиным. В третьем действии Олоферн не произносит ни слова, а только лежит и смотрит на проходящие мимо него войска. Но сколько в этом взгляде всепобеждающей силы, уверенности в себе и в победе над врагом! Удивительная шаляпинская способность доносить до слушателя каждое слово. Не слово даже, а слог, звук. Сцена с Юдифью буквально захватила весь зрительный зал. Восторженные зрители, долго не смолкавшие аплодисменты

Я жадно ловил рассказы моих товарищей, имевших абонементы в Мариинском театре и слышавших Шаляпина в других ролях. Летом 1910 года, благодаря счастливой случайности, я и мои родители познакомились с гениальным артистом.

ПОКУПКА ИМЕНИЯ ХМЕЛЬНИЦЫ

Летние каникулы я проводил у моих родителей в небольшой усадьбе Утешиное, находившейся в 6 км от Плеса Костромской губернии. Папа давно хотел продать усадьбу Хмельницы, доставшуюся ему по завещанию от бездетного дяди. Земли было немногим больше 100 десятин, дом был одноэтажный, с прекрасной мебелью из красного дерева. В нём по летам жили семьи знакомых. Но в 1905 г. дом сгорел. Его сжёг Иван Поружков, бывший там сторожем, и вывезший в две ночи наиболее ценные вещи к верному человеку. Хмельницы захотел купить Середский фабрикант Малахов,

который осмотрел усадьбу и договорился с папой о продаже. Когда я возвращался в Плёс из поездки в Германию, то от Ярославля до Плёса ехал вместе с Малаховым, который дал мне задаток 400 рублей и просил передать папе. В Плёсе я зашёл в магазин Бакакиных, где мне сообщили, что с утреннего парохода слез Шаляпин с каким-то толстым низеньким господином и спрашивал, не продаётся ли около Плёса небольшой участок земли. Я сказал, что Хмельницы уже проданы, а больше папа ничего продавать не собирается.

Стояла необычайно холодная погода, почти ежедневно шёл дождь. Воспользовавшись проглянувшим солнцем, мы пошли играть в крокет. Не успели закончить и первую партию, как на площадку пришёл отец и сказал, что из Плёса на лодке приехал Шаляпин с каким-то неизвестным человеком. Мы сразу бросили молотки и пошли на террасу, где увидели Фёдора Ивановича. На нём был тёплый охотничий пиджак, короткие брюки, шерстяные чулки и простые башмаки. Рядом сидел невысокий плотный человек с мрачно надвинутой на глаза шляпой, поднятым воротником пальто. Шаляпин назвал его: «Это мой друг, художник Николай Александрович Клодт». (Клодт в следующие годы часто бывал в нашей семье, был он очень простой, симпатичный, весёлый и остроумный собеседник. Он – декоратор Императорских театров). Он гостил у Шаляпина в его даче недалеко от станции Итларь Ярославской ж.д. Шаляпин пригласил его прокатиться по среднему плёсу Волги. Фёдор Иванович хорошо знал картины Левитана «Над вечным покоем», «Золотой Плёс», но правый берег от Костромы до Плёса настолько пленил его своей красотой, что он решил сойти на ближайшей пристани и купить небольшой участок земли для постройки дачи на берегу Волги. Сказано – сделано. Походив полдня по Плёсу, он у Бакакиных узнал, что папа продал участок, и решил сам съездить и узнать, не продаст ли ему папа хотя бы небольшой кусок земли на Волге.

Холод был собачий, хотя было 24 июля. С террасы все перешли в столовую, где уже кипел самовар. За чаем Фёдор Иванович разговорился, рассказывал о своих недавних гастролях в Монте-Карло. Талантливый рассказчик, он говорил замечательно, живо и образно, лица, которые он называл, вставали перед глазами, как живые. После чая все перешли в зал. Увидев на столе раскрытый том Пушкина, Фёдор Иванович сказал, что он с большим удовольствием поёт партию Сальери в опере Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Потом он сел за стол, внимательно посмотрел на нас и

сказал, как будто сам себе: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет - и выше.» Услышав давно знакомые слова, мы замерли. На наших глазах больше не было Шаляпина. Вот Моцарт, «гуляка праздный», весельчак, вот Моцарт, обеспокоенный своим заказчиком, человеком в чёрном, вот снедаемый завистью Сальери... Когда прозвучали заключительные слова драмы: «И не был убийцею создатель Ватикана?», воцарилась тишина. Слова бессильны передать то потрясение, которое мы все испытали. Мы все сидели, словно зачарованные, не хотелось говорить, нарушать молчание... Мало что в жизни я могу сравнить с этим часом. (Позднее я узнал, что когда К.С.Станиславский ставил «Моцарта и Сальери» в Художественном театре, он специально ездил к Шаляпину и просил певца прочесть это гениальное пушкинское творение).

Внезапно Фёдор Иванович встаёт, берёт лежавший на диване тёплый платок, закутывается в него – и вот перед нами глуповатая баба. Она становится на колени, кладёт поклоны, крестится и шепчет: «Мати Казанская, Мати Астраханская...». Вдруг она замечает на полу двугривенный, она жадно хватает его и попадает пальцем в плевок: «Тьфу, прости Господи, плюнули, окаянные, в храме Божьем, Мати Казанская, Мати Астраханская...» И опять пошли кресты и поклоны. Невозможно было удержаться от смеха, а Клодт хохотал до упаду.

Шаляпин опять подсел к столу и, не говоря ни слова, изобразил портного, пришивающего к пиджаку пуговицу. Опять в сидевшем рядом с нами нельзя было узнать Шаляпина, хотя не изменилась ни одна деталь в costume. Портной, да и только! В руках его не было ни пуговицы, ни иголки, ни нитки, а нам казалось, определённо, что мы всё это видим. А через 2 минуты перед нами уже 2 спорщика – студент, доказывающий дьякону, что человек произошёл от обезьяны, и

дьякон, называющий его богохульником. Способность от «Моцарта и Сальери» молниеносно переключаться к состоянию бабы, портного, дьякона и т.д. была поразительная.

Утром на другой день папа водил Ф.И. и Клодта в Хмельницы. Хмельницы очень понравились Шаляпину и он стал упрашивать папу переуступить усадьбу ему. Он с папой ездил к Малахову с просьбой, но тот вошёл в амбицию, говоря, что он сам «артист в душе», что Хмельницы – это рай и т.д. В конце концов через 2 дня отрядили меня, для солидности присоединился Мефодий Иванович Кузнецов (муж моей сестры). Малахов вернул задаточную расписку, но получил обратно двойной задаток. «Артист» оказался типичным купцом. 400 рублей он заработал. Вечером в тот же день была совершена купчая плёсским нотариусом М.Пл.Тезиным в присутствии 2-х крестьян. Хмельницы перешли во владение Шаляпина. Фёдор Иванович хотел заплатить сразу, и за деньгами поехал в Кострому в банк. Он пригласил меня ехать с ним, что мне очень даже улыбалось. Сели мы на пароход не в Плесе, а на перекате с лодки. Шёл дождь, на палубе почти никого не было, кроме высокой полной женщины, купчихи на вид. С большими серьгами, многочисленными кольцами и браслетами на обеих руках, эта мадам узнала Ф.И. и, проходя мимо громко сказала: «В «Демоне» куда лучше». Мы обошли вокруг парохода, проходим ещё раз, опять эта же купчиха и опять то же: «В «Демоне» куда лучше». Шаляпин плюнул и сказал мне: «Идёмте в каюту». Здесь он сказал, что между западной и русской публикой громадная разница в отношении к частной жизни артиста. Во Франции, Италии, Англии – везде он пользуется очень большим успехом, но нигде на него не показывают пальцами, не говорят в спину: «Шаляпин, Шаляпин, смотрите!» Нигде в ресторанах не будут мешать, не станут удивляться, если он проедет на трамвае. В Москве же, сейчас же скажут: «Вот, жадина, на извозчика и то жалеет деньги, а ещё по 2000 руб. заграбастывает!» Замечания в глаза и за спиной, вроде купчихи на пароходе – самое обыкновенное явление. После сетований на невозможность часто чувствовать себя обыкновенным человеком, а не «Шаляпиным», мы заснули. Нас разбудили за полчаса до отхода парохода. Пристань была плотно набита публикой. Едва мы сошли на берег, как около нас выросла целая орава босяков, громко приветствовавшая Шаляпина. Приехали мы в Кострому с опозданием, идти в банк было уже поздно. Всё же мы направили свои стопы туда. Узнав, что проситель Шаляпин – управляющий немедленно пришёл из

квартиры и сказал, что всё сделает на другой день утром, хотя «утром» было воскресенье, следующий день – неприсутственный. Мама просила зайти купить колбасы в магазине Головановых, славившихся качеством колбасных изделий. Из банка мы пошли в колбасную. За нами шла толпа, глазевшая на Ф.И. В магазине получился форменный анекдот. Самого Голованова в магазине не было, зато молодой приказчик, узнав, кто его покупатель, на просьбу Ф.И. дать колбасы, изогнулся в три погибели и с особою нежностью спросил: «Вам пудик-с прикажете?» Изумлённый Шаляпин расхохотался и сказал, что 3 фунта его вполне удовлетворят, чем разочаровал юркого малого, полагавшего, что Шаляпину меньше пудика никак нельзя купить. Сидя на бульваре, Фёдор Иванович ещё долго смеялся. Я уехал в тот же вечер, Шаляпин вернулся на другой день.

Шаляпин, Ксения и Сергей Шулепниковы

Через 2 недели он приехал опять с Клодтом, оказавшимся очень славным собеседником и милым человеком. Гостя по 3-4 дня у нас в

Утешном, Ф.И. поражал всех своей простотой. «Поражал» потому, что ходили слухи о его наглости, придиристичности, неумении себя держать, нарушении чуть ли не элементарных правил приличия и т.д. Фёдор Иванович в Утешном был живым опровержением всего этого вздора. Днём он помогал накладывать сено на воза, поднимая на вилы сразу чуть ли не полкопны, вечером играл с кучером и работником в городки. При этом проигравший обязательно возил на себе выигравшего. Поистине, незабываемое зрелище, достойное кисти художника!

После ужина он безо всякой нашей просьбы садился за пианино и долго пел, отлично себе аккомпанируя. Пел он хорошо известные песни и романсы. Но пел так, что мне вспоминалась старинная сказка о волшебнике, превращавшем самые обыкновенные предметы в драгоценные камни. Из известных песен и романсов он творил чудеса, создавая каждый раз ни с чем не сравнимое настроение, неповторимое и незабываемое. Особенностью Шаляпина – певца было не только редкое умение владеть голосом, но встречающееся чрезвычайно редко особое дарование, изумительная способность подачи текста. Казалось, что Фёдор Иванович просто рассказывает, а вместе с тем одновременно прямо-таки упиваешься мелодичными звуками, льющимися свободно и легко. Слово, звук, мелодия соединялись в одно восхитительное, неразрывное целое. С редким мастерством пел артист народные песни. Особенно запомнились «Ноченька», «Эй, ухнем!», «Молодёшенька». Эту песню Шаляпин впервые услышал во время своих гастролей в Париже в одной русской семье. Песня сложилась ещё при крепостном праве. Шаляпин записал её и стал исполнять в своих концертах. «Помню я ещё молодухой была...» - и как живая стояла перед глазами молоденькая девушка, а потом мать четырёх дочерей, за всю свою горемычную жизнь не видевшая ни счастья, ни радости. Мимолётная ласка чужого человека, проезжего красавца, как солнечным лучом, озарила её жизнь. Позднее эта песня вошла в репертуар известных наших певиц, **НО НИ ОДНА ЖЕНЩИНА НЕ СМОГЛА ДОНЕСТИ ДО СЛУШАТЕЛЕЙ ТЕХ ЧУВСТВ И ПЕРЕЖИВАНИЙ, КОТОРЫЕ ПЕРЕДАВАЛИСЬ ШАЛЯПИНСКИМ ИСПОЛНЕНИЕМ.**

В эту первую встречу запомнился яркий рассказ Шаляпина о Максиме Горьком. Великий писатель был ближайшим другом великого певца. Фёдор Иванович говорил, что никогда в жизни не встречал человека такой кристальной душевной чистоты, как Алексей

Максимович. Шаляпин привёз с собою только что вышедшую из печати повесть Горького «Жизнь Матвея Кожемякина» и прочёл нам из неё несколько глав.

КОНЦЕРТ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

23-го августа Фёдор Иванович приехал к нам всего на 1 день. На другой день он уехал в Нижний Новгород, где 25-го был назначен его концерт. Асю (мою сестру) он пригласил ехать с собою, а мама, папа и я отправились вечером.

Театр был полон до отказа. Поднялся занавес, и мы увидели стулья, поставленные по обеим сторонам сцены. Их заняли крестьяне и крестьянки деревни, в которой Шаляпин построил и содержал на свои средства школу. Кроме Ф.И., в концерте принимали участие пианист Ф.Кенеман (он же автор нескольких романсов) и альтист Аверьино. Шаляпин имел огромный успех. Вся программа 2-х отделений не содержала ни одного оперного номера, Ф.И. в концертах совершенно не поёт оперных арий. Всё петое им, опять поразило меня не только качеством исполнения, но и диапазоном программы. Глубоко драматические «Трепак» Мусоргского и «Трубадур» на одном конце и ярко комические «Семинарист», «Титулярный советник», «Червяк», «Мельник» - на другом. А между этими полярными произведениями – изумительные лирические романсы Глинки, Бородина и Римского-Корсакова. Невозможно было выделить лучшее, настолько совершенно и вдохновенно пение артиста, проникающее в самые дальние уголки души человеческой.

После концерта Фёдор Иванович пригласил нас поужинать в лучший ресторан города. Собралось человек 20, нам мало или совершенно неизвестных. Среди них обращала на себя внимание высокая, статная и по-своему красивая дама, Мария Валентиновна Элухен, оказавшаяся гражданской женой Ф.И. Несмотря на красивую внешность, Мария Валентиновна как-то не привлекала и не располагала к себе. Мне показалось, что она должна быть большой эгоисткой и человеком себе на уме. Это первое впечатление потом перешло в убеждение, т.к. в 1911-1915 г. я часто встречался с ней в Петербурге. Именно она является главной виновницей того, что уехав из советской России, Шаляпин на родину так и не вернулся.

Когда все уселись за столы, на эстраде в общей зале появился бойкий куплетист, сообщивший почтенной публике, что в Нижний приехал:

Сам Шаляпин, батюшки!
Он в театре концерт дал, матушки!
Себе выручку забрал, батюшки!
А актёрам гроши дал, матушки!

Гнусность этого куплетца заключалась в том, что ни Кенеману, ни Аверьино, конечно, и не снился тот гонорар, который они получали благодаря имени Шаляпина, гарантировавшего всегда и всюду полный сбор.

Шаляпин расстроился, ужин прошёл вяло. Виной этому разношерстная публика. В конце ужина подлил масла в огонь ещё и счёт, в котором были поставлены такие кушанья, которые и не подавались! Раз Шаляпин, значит, можно драть. Такова психология русского обывателя. На другой день мы вернулись домой, полные незабываемых впечатлений, а Фёдор Иванович отправился со своими товарищами в концертное турне по Волге.

В начале декабря в газетах Петербурга я прочёл, что из Москвы на несколько спектаклей приехал Шаляпин. 4/12 сестра Ася получила от него с посылным письмо. Вечером мы отправились к нему в гостиницу. Встретил он нас очень любезно. Ф.И. дал Асе 2 билета на «Жизнь за царя». Я сам не мог пойти, т.к. шли празднества по случаю 75-летия Училища Правоведения. Ася отдала билет Софии Шрамченко и обе остались от Шаляпина в восторге. 8/12 мы с Асей были на «Фаусте», билеты опять бесплатно дал Ф.И. Шаляпинский Мефистофель так отличен от обыкновенных Мефистофелей, что о нём надо сказать подробно, что я и сделаю позднее. Через 2 дня я слышал Ф.И. в роли Галицкого в опере «Князь Игорь». Пьяное бахвальство, бесшабашный разгул, цинизм, который Ф.И. вкладывает в слова «ведь на то и власть», сцена объяснения с Ярославной, - всё это выделило маленькую роль, передвинув её на первое место. 11/12 Ф.И. пел в Зилотиевском концерте. Он исполнял «Заклинание огня» из оперы Вагнера «Валькирия» и 3 романса. Последний романс Грига «Легенда» с драматическим содержанием певец исполнил захватывающе. Вместе с бурными аплодисментами раздались возгласы: «Блоха», «Семинарист» и т.д. Шаляпин вышел из себя. В артистической он воскликнул: «Я им сейчас полжизни отдал, а они

«Блоху» орут, сволочи!» Вот ключ к его резкостям. Для рядового зрителя или слушателя совершенно всё равно, что стоит рядом. «Блоха» сама по себе вещь прекрасная, но ставить её рядом с «Заклинанием огня» и «Легендой» просто безобразие. Понятно, что всё артистическое нутро Шаляпина покоробилось от требований публики. Хорошо, что «сволочи» вылетели в артистической, а не в зале. А то был бы очередной скандал, и газетные борзописцы залились бы опять на тему «неприличные выходки г. Шаляпина»

В первых числах мая в Утешное приехала жена Шаляпина Иола Игнатъевна с двумя старшими дочерьми Ириной и Лидией. Иола Игнатъевна мне очень понравилась. Дочки держали себя просто. Специфического того, что бывает у детей знаменитостей, у них не было. Иола Игнатъевна продолжала любить Ф.И. Это было заметно по всему. Не думаю, чтобы она надеялась на возвращение Ф.И. Она, как умная женщина, прекрасно понимала, что чувство Шаляпина к ней кончилось, а отношение его к Марии Валентиновне больше, чем очередное увлечение артиста. И тем не менее, она ещё любила Шаляпина и, видимо, любила сильно.

В следующий раз я увидел Фёдора Ивановича через год. Шаляпин сам рассказал нам об инциденте, происшедшем на спектакле в Петербурге.

КОЛЕНОПРЕКЛОНЕНИЕ ЦАРЯ БОРИСА

6 января 1911 г. в Мариинском театре шла опера Мусоргского «Борис Годунов». Стало известно, что на спектакле будет вся царская семья. Прекрасный хор Мариинского театра материально чувствовал себя очень плохо; все попытки улучшить своё положение путём обращения к директору Императорских театров и через него к министру двора, оставались безуспешными. Узнав о предстоящем посещении театра царём, хор решил на своеобразную демонстрацию. Его замысел хранился в полной тайне, ни один солист оперы, ни один служащий конторы абсолютно ничего не знали. Роль Бориса Годунова исполнял Шаляпин. Первые 2 картины пролога, в которых основная роль отведена хору, прошли, как всегда. Так же спокойно прошли и картины первого действия. Когда закончилась сцена в тереме, раздались аплодисменты из царской ложи, а вслед за ними заплодировал и весь зрительный зал. Шаляпин и артистка

Е.Збруева, певшая царевича Фёдора, вышли на авансцену и раскланивались, обратившись лицом к императорской ложе. (Не надо забывать, что в сцене в тереме хор не участвует). И вдруг... Всю сцену заполнил хор и, опустившись на колени, запел гимн: «Боже, царя храни...». Растерявшиеся оркестранты, уже вышедшие в курилку, вернулись в оркестр на свои места и стали аккомпанировать хору, который пропел гимн ещё 2 раза – случай, совершенно небывалый в истории даже императорских театров. Шаляпин и Збруева оказались окружёнными плотным кольцом стоявших на коленях хористов. Пройти к выходу было невозможно, стоять, когда весь хор поёт гимн на коленях, было нельзя, и оба опустили на колени.

Это коленопреклонение имело разные последствия для хора и для Шаляпина. Царю было доложено о безуспешных попытках хора добиться повышения заработной платы, и царь распорядился удовлетворить ходатайство хора. Никаких упреков ни по адресу хора, ни по адресу Збруевой ни с чьей стороны не последовало. Иное дело Шаляпин.

В его адрес посыпались обвинения в холопстве, беспринципности и прочих смертных грехах. Он стал получать в громадном количестве

ругательные письма, в которых ему напоминали, что в 1905 году Шаляпин со сцены Большого театра пел «Дубинушку», а теперь дошёл до такой низости, что встал на колени перед царём. В московском кабаре «Летучая мышь» программа обновилась новым номером: выходил человек во фраке, загримированный под Шаляпина, но на коленях брюк были нашиты заплаты. Публика восторженно аплодировала. Для всех было ясно, что брюки протёрты во время коленопреклонения.

Когда Фёдор Иванович рассказывал обо всём, происшедшем на спектакле, то он, обычно очень спокойный, сильно волновался и

был расстроен, хотя прошло уже больше года после того злополучного события. С особым волнением рассказывал Шаляпин об отношении Максима Горького к случившемуся. Его слово, его суждение было для Ф.И. высшим авторитетом. В свою очередь, и Горький высоко ценил Шаляпина. В 1901 г. он писал: «Этот человек, скромно говоря – гений. Это некое большое чудовище, одарённое страшной силой поработать толпу. Умный от природы, он в общественном смысле пока ещё младенец, хотя слишком развит для певца. Какой он Мефистофель, какой князь Галицкий!».

Т.к. Горький жил в Италии на острове Капри, как эмигрант, и не мог вернуться в Россию – ему угрожало тюремное заключение за его роман «Мать», то о печально знаменитом спектакле он узнал из газет и из разных писем, в которых поступок певца оценивался как проявление возмутительного холопства и полной политической беспринципности. Сам Шаляпин написал Горькому только очень короткое письмо, что вызвало гневный отклик Алексея Максимовича: «Ты пишешь мне, но ни слова о том, что не может, как ты знаешь, не может не мучить меня, что никогда не будет забыто тебе на Руси, будь ты хоть гений. Мне жаль тебя, Фёдор, но так как ты, видимо, не сознаёшь дрянности совершённого тобою, не чувствуешь стыда за себя, нам лучше не видеться, и ты не приезжай ко мне. Если бы ты мог понять, как страшно становится за ту страну, в которой лучшие её люди лишены чувства брезгливости, если бы ты мог понять, как горько и болезненно представлять тебя, гения, на коленях перед мерзавцем, гнуснейшем из всех мерзавцев Европы». Шаляпин был потрясён такими словами и ответил Горькому большим, подробным письмом. В следующем письме писателя много тепла и подлинной большой любви к «нелепому русскому человеку»: «Не умно ты сделал, что сразу же после этой истории не поехал ко мне, или не объяснил условий, при коих она разыгралась. Знай я всё с твоих слов, веря тебе, я бы что-нибудь сделал, чтобы заткнуть пасть твоих судей. А теперь придётся выждать время... а видеться нам нужно; погода несколько, я напишу тебе, когда и как мы можем встретиться. Будь здоров и не особенно сокрушайся - пройдёт!»

Та атмосфера клеветы и злопыхательства, которая создалась вокруг Шаляпина, довела его до того, что он прекратил свои спектакли в Петербурге и в Москве, и уехал на гастроли за границу, откуда вернулся только в октябре. В августе Ф.И. был у Горького на Капри. Об этой долгожданной встрече он написал позднее: «Против своего

УИД. 11257

обыкновения ждать своих гостей дома или на пристани, Горький на это раз выехал на лодке к пароходу мне навстречу. Этот чуткий друг понял и почувствовал, какую муку я в это время переживал. Я был так растроган этим его благородным жестом, что от радостного волнения заплакал. Алексей Максимович меня успокоил, лишний раз дав мне понять, что он знает цену мелкой пакости людской».

Горький оказался прав. Первые же спектакли Шаляпина после его возвращения в Россию сопровождались громадным успехом, проходили при бурных аплодисментах всего зрительного зала и всегда сопровождались подношением венков и больших корзин цветов.

ВОЗДУХ УТЕШНОГО

Летом 1912 г. я отдыхал в Утешном. Училище Правоведения было позади, о службе не думалось, никакая служба в Министерствах не прельщала. Я был в своей семье, со мной была моя невеста (София Шрамченко), в Утешном гостила семья Соболевских (инспектора Училища), было безоблачно и спокойно. Казалось, что экзамены, профессора, будущая служба – всё где-то далеко и совсем не нужно. Нужно только то, что есть сейчас, а сейчас было удивительно хорошо и легко.

В начале июня около полудня появился Фёдор Иванович с архитектором В.С.Кузнецовым, китайцем-лакеем и маленьким псом бультерьером. Пса можно было раздражить до бешенства словами «маленькая собачка». Он кидался на людей, в кадку с водой, всюду, где ему указывали «маленькую собачку». Мечты Фёдора Ивановича о постройке в Хмельницах терема в стиле «Князя Игоря» или дома вроде Лариных («Евгений Онегин»), сменились более трезвым желанием иметь просторный дом, где можно было бы поместить человек 15 членов семьи, прислуги и всякого гостящего люда. По такому заданию Кузнецов и стал чертить план.

В этот приезд Фёдора Ивановича погода была дивная. Сенокос был в полном разгаре. Работало около 30 человек подёнщины. В дни уборки работа затягивалась очень поздно. Из Плёса привозилось подкрепление: красное вино – девицам, белое (водка) – мужчинам, пряники – и тем, и другим. Это очень ценилось. Наступил вечер. Тишина. Листочки не шелохнутся. Как всегда, наши собрались на террасе, намереваясь перед ужином погулять. На площадке у террасы

- работники, подёнщицы и две горничные. (Я уже говорил, что все слухи о капризах и неумении себя держать оказались ложными, когда Ф.И. был у нас). Известно также, что он не любил, когда его просили петь. В Утешном, очевидно, был другой воздух, и Фёдор Иванович был очаровательнейшим собеседником, весёлым, шутил со всеми, рассказывал без конца анекдоты и бесчисленные случаи из его артистической жизни. Мама попросила его и на этот раз спеть что-либо крестьянам. Он сейчас же спустился на площадку. Почти все уселись, кто на лавках, кто на земле. Смотрели на Ф.И. с большим вниманием. Слух о том, что он за один вечер «зашибает по тысяче», быстро разнёсся на сенокосе.

Я всё время наблюдал за слушателями. Это дело нелёгкое, когда поёт Шаляпин, всегда всё внимание сосредотачивается на нём. Но на это раз мне хотелось посмотреть, как будет воспринимать пение простая, бесхитростная аудитория, кроме плохой гармошки ничего никогда не слышавшая.

«Не велят Маше на реченьку ходить...». Полились давно знакомые слова. И так-то было тихо, а тут, чем дальше пел Шаляпин, тем казалось, что тишина делалась всё более глубокой, ни зевка, ни покашливания... То одна, то другая женщина тихо, украдкой вытирает глаза. Кое-кто из мужчин нечаянно как бы вынимает попавшую в глаза ресницу. А звуки всё льются, становятся всё тише, тише и замирают на тончайшем *pianissimo*... Минута молчания и восторг выливается в форме аплодисментов, криков и возгласов.

«Ну, давайте хоровод, русскую», - предлагает Фёдор Иванович. Сейчас же девушки затягивают весёлую, образуется большой хоровод. Посредине Фёдор Иванович с моей невестой. Соня учила русскую под руководством Ю.Седовой, одной из лучших балерин Мариинского театра, и танцевала очень хорошо. И вот она вместе с Ф.И. посреди круга, идёт плавно, легко, а Ф.И. притоптывает и в конце даже пускается в присядку. Незабываемы вечер!

Нужно сказать, что мои споры с теми, кто утверждал, что искусство только для избранных, а это защищало большинство лиц, с которыми мне приходилось говорить, нашли в этот вечер для меня, по крайней мере, блестящее подтверждение. Вот аудитория, никогда не слышавшая Шаляпина, а все слушатели до единого затронуты певцом за живое. Следовательно, настоящее искусство, действительно, является искусством всенародным. Следующие 20 лет моей жизни

только укрепили меня в этом предположении, тогда почти всеми оспариваемом.

После ужина Шаляпин садился за пианино и пел. В этот приезд он пел больше, чем в первый свой приезд. Впечатление колоссальное. Исключительная особенность, которую я заметил теперь, та, что прекрасно знакомые песни и романсы, в которых знаешь каждый звук, которые слышал в исполнении самого Ф.И., каждый раз звучат по-новому, обретая новые оттенки чувств и переживаний, давая всякий раз источник новых впечатлений и наслаждения. И спустя 20 лет я не могу забыть, как пел в тот вечер Шаляпин старый и достаточно пошлый романс «Глядя на луч пурпурного заката». Все были потрясены, а В.И.Соболевский сидел с полными слёз глазами.

Изумительно рассказывал Ф.И. о Снегурочке, о чудесном мире Берендеев, с их маленькими героями, бесхитростными радостями, и невольно казалось, что переносишься в этот сказочный мир с его несложными переживаниями и мудрым, добрым великим Берендеем, «отцом страны своей».

Фёдор Иванович пригласил нашу семью к себе на дачу недалеко от станции Итларь. Папа не поехал, т.к. наступила жатва. Через неделю мы тронулись в путь. Отправились мама, сестра Ксения, Соня и я. Имение у станции Итларь Ярославской ж.д. было куплено Ф.И. у его друга художника Коровина. Дом был вместительный, деревянный. Зал, он же столовая, в два цвета. Мягкий уютный диван. Пианино. Иола Игнатьевна и «сам» встретили нас очень радушно и любезно. Гостил у них Ф.Кенеман, с которым мы познакомились в Нижнем Новгороде. Ф.И. пел под аккомпанемент Кенемана. Но того настроения, которое было в Утешном, когда забывалось всё окружающее, не было. Вернее, оно рассеивалось, как только Фёдор Иванович кончал петь.

Последний раз Фёдор Иванович был в Утешном осенью 1912 г. тоже с архитектором Кузнецовым. Привёз он с собою комическую оперу Эспозито (название не помню), которую нам пропел с начала и до конца. Больше в Утешном он ни разу не был.

В апреле 1913 г. перед моей свадьбой Фёдор Иванович подарил Соне и мне две фотографии в сценах из «Бориса Годунова». На одной написал: «Голодная, бедная стонет Русь». На другой: «Да, ежели тебе пятно единое случайно завелось, тогда беда – душа сгорит». Очень сожалеею, что эти фотографии пропали вместе с обстановкой и

иным добром в Костроме в декабре 1918 года. Получить взамен другие, хотя бы без подписи, так и не удалось.

На одном из концертов Шаляпин, обращаясь к молодожёнам, спел романс Даргомыжского «Титулярный советник.» (В 1912 г. я окончил Императорское Училище Правоведения в чине титулярного советника, а отец Сони, Шрамченко Михаил Николаевич, был Нижегородским губернатором):

Он был титулярный советник,
Она – генеральская дочь.
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь....
Ушёл титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь.
И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь.

В 1915 г. я жил в его доме на Новинском бульваре с мая по сентябрь, когда Соня с сыном гостили в Чернигове. Попал я к нему совершенно случайно. Соня уже уехала, Квартира подвергалась разграблению артельщиков, перевозивших вещи. В газете увидел объявление о 2-х гастролях Шаляпина в Нардоме «проездом из-за границы». Вечером я был у него, сказал, что переведён в Москву и не знаю, где мне приткнуться на первое время. Фёдор Иванович сразу пригласил меня воспользоваться его домом. Сам Ф.И. появлялся редко. Каждый раз был со мною более, чем любезен. Однажды пригласил меня поужинать с ним в Эрмитаже у Оливье. Не успели мы войти в зал, как со всех сторон раздались голоса: «Шаляпин, Шаляпин! А кто это с ним?» Фёдор Иванович сказал мне, что русская публика – публика особенная, способная по-гоголевски и в тарелку заглянуть, из которой он ел.

Зимой 1915 – 1916 г. я часто заходил к Шаляпиным, и когда Фёдор Иванович пел в Большом театре, то нередко бывал у него, всегда встречая очень любезное и приветливое отношение к себе.

БОРИС ГОДУНОВ

Чаще мне пришлось слышать Фёдора Ивановича в сезоны 1911 – 1912 г. и 1914 -1915 г. Обычно рецензии пишутся в ту же ночь после

спектакля под свежим впечатлением. Но моя память сохранила мне Шаляпина во всех виденных ролях в течение этих 20 лет так, как будто я видел его вчера. Мне посчастливилось слышать певца в операх: «Борис Годунов», «Хованщина», «Псковитянка», «Фауст», «Мефистофель», «Юдифь», «Русалка», «Севильский цирюльник», «Руслан и Людмила», «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»), «Князь Игорь», «Дон Кихот», «Лакме». Всего в 13 операх, в иных по разу, в других по несколько раз. Слышал Фёдора Ивановича также и в концертах. Всегда гений Шаляпина потрясал и долго держал под впечатлением увиденного и услышанного. **НО ЕЩЁ РАЗ СКАЖУ, ЧТО ПЕНИЕ В УТЕШНОМ СТОИЛО НЕСКОЛЬКИХ ОПЕР И КОНЦЕРТОВ.**

«Борис Годунов». Роль, которую я бы назвал лучшей с немедленной оговоркой, что это лучшее из лучшего, т.к. нет оперы, где Шаляпин не был бы на высоте всевозможных требований, которые могут быть предъявлены к артисту и певцу. Но совершенство исполнения им роли «преступного царя Бориса» прямо-таки исключительное. Здесь, как нигде, гений Шаляпина дал человека «во всех его противоречиях, показал «текучесть» человека, что один и тот же человек может быть то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо».

Выход из собора после венчания на царство. Медленно идёт Борис в царском облачении. «Скорбит душа...» Голос звучит тихо-тихо, но каждый звук захватывает и доходит до вашего сознания. «А там сзывать народ на пир», - широким жестом зовёт к столу всех, от боярина до нищего слепца. В окрепшем голосе властность и сила.

Действие в тереме. Сколько нежной любви в обращении с Ксенией, в разговоре с сыном! Но вот нарастает тревога в монологе, глубокая тоска, безысходная грусть и отчаяние. Страдание отца настолько передаётся слушателю и давит на него, что невольно радуешься приходу боярина, думая, что он разрядит гнетущее настроение Бориса.

Гордо и независимо начинает Борис сцену с Шуйским. Чем дальше, тем всё большее беспокойство охватывает царя, а с ним и вас. Грозное, гневное приказание удалиться царевичу и одновременно робкая надежда: «Малютка тот, убитый, был Димитрий?» Нарастает душевная тревога. Задыхаясь, царь резким движением расстёгивает воротник у рубашки. «Да, ежели в тебе пятно единое случайно

завелось, тогда беда – душа сгорит». Вот эта-то «беда» и передаётся слушателю, и мучает его вместе с Борисом.

Последние галлюцинации проводятся с изумительной силой и убедительностью, на грани невозможного. «Вон, что там...растёт и ширится...», - и куда показывает Борис, там действительно чудится призрак, кажется, что сейчас будет дан перемежающийся свет, или самый призрак. Но нет ни того, ни другого... Это декламационная сила Шаляпина заставляет вас поверить, что грозный призрак на самом деле тут. И воплем, отчаянной мольбой звучат слова: «Ты не хочешь смерти преступного царя Бориса!» Вот она, казнь совести, казнь более страшная, чем людское осуждение или наказание, даже тяжелее...

Последнее действие. Во время рассказа Шуйского выбегает Борис, уже седина в волосах, измученное лицо, большие страдальческие глаза. С трудом приходит в себя Борис, медленно садится на трон, всё время вытирает пот с лица и шеи. Напряжённо слушает он рассказ Пимена о чуде на могилке Царевича и с душераздирающим криком падает Борис с трона: «Ох, дурно, царевича сюда, схиму...»

«Прощай, мой сын, умираю...». Нежно обнимает сына Борис. Одно движение пальцев даёт бесконечно трогательную гамму любви отца. Последние слова даются на таком *pianissimo*, какого я никогда ни у кого не слышал. В театре всё замирает. А звук кажется почти что бесконечным. Но вот зловещий колокол. Борис падает, последнее судорожное движение... Тихо идёт занавес...

Сцена прощания с сыном не может оставить зрителя спокойным. Нужно иметь особую толстокожесть, чтобы не пережить с Борисом все его муки. Известная певица Е.Збруева, с чудесным по красоте контральту, говорила мне, что каждый раз, когда она поёт партию Фёдора с Шаляпиным, то в прощальной сцене с отцом она плачет, забывая, что она Евгения Збруева, забывая, что она царевич Фёдор, а сознание говорит ей, что она теряет любимого отца и нет сил удержаться от слёз.

Я слышал «Бориса» часто, Шаляпина в этой роли видел 5 раз, и каждый раз, выходя из театра, долго не мог успокоиться и прийти в себя. В общем порыве, и я хлопал до одури в ладоши, вызывая певца, хотя сознание подсказывало, как неуместны аплодисменты, как мало они могут передать ту подлинную благодарность зрителя, которого повёл за собой и заставил перестрадать вместе с собой гений артиста.

Часто говорили, что Шаляпин великий драматический артист, но редко соглашались с тем, что и чисто лирические партии у него выходили прекрасно. А вот достаточно было прослушать его в «Лакме», достаточно было услышать стансы Нилаканти, чтобы понять всю нелепость этого спора.

Изумительно строгую фигуру старца Досифея даёт Шаляпин в «Хованщине». Жадного, хитрого мальчика даёт он в 1-м действии «Русалки», совершенно потрясающую фигуру сумасшедшего мельника, «здешнего ворона», даёт он в 4-й картине. Очень своеобразную фигуру создаёт Фёдор Иванович в «Жизни за царя». Вместо квасного патриота в духе Чайных «Союза русского народа», перед нами впервые русский костромской мужик в настоящем армяке и лаптях. Перед нами фанатик, пламенно верящий в спасение Родины и за Родину отдающий свою жизнь. С глубоким волнением зал слушает сцену прощания с Антонидой, переживают вместе с Сусаниным глубокую скорбь от расставания с родными... Совершенно потрясает ария «Чуют правду». Эту оперу я слышал 12 раз, и только один Шаляпин дал живого Сусанина, а не ходульную патриотическую марионетку.

Очень интересен Шаляпин в роли Галицкого в «Князе Игоре». Такой бесшабашный разгул, такой цинизм вкладывается в слова: «Пожил бы я всласть, ведь на то и власть», так чисто по-хулигански ведёт он себя в сцене с сестрой, что маленькая, хотя и яркая партия, перерастает свои рамки и делается как бы центральной в опере.

ФАРЛАФ И ДОН БАЗИЛИО

Большой комический талант Шаляпина, открывшийся нам в Утешном, достиг своих вершин в ролях Фарлафа и Дона Базилио.

«Руслана» я слышал в Мариинском театре не раз. Хороший состав исполнителей, прекрасное звучание хора и оркестра. Оперой неизменно дирижировал Направник, а это была сила! Фарлафа почти всегда исполнял Филипов, неплохой бас. Однако сравнение с Шаляпиным, конечно, губило Филипова. Уже отдельные фразы в 1-м действии, грим, толстая, несуразная фигура, несравненная мимика заставляли всё время смотреть на Фарлафа. Сцена с Наиной и Рондо вызывали неудержимый смех, чего никогда не было с другими певцами. Как нелепо звучали слова: «Недалёк желанный час – час

блаженства и любви» в устах этого трусливого, жалкого хвостуна. Какой нелепый вид растерявшегося человека принимал артист в последнем действии у тела Людмилы! Его реплика, повторяющаяся несколько раз: «Наина, сжался, Фарлаф погиб», - вызывала смех, смешанный с презрением. И опять, как в «Князе Игоре», второстепенная партия становилась центральной.

В 1913 г. Шаляпин впервые спел Дона Базилио в «Севильском цирюльнике». Все многочисленные Доны, которых я слышал, обращали внимание на единственную в партии арию о клевете и пользовались гримом, установленным чуть ли не со времён Россини. Шаляпин в корне разрушил представление о роли Базилио, как исключительно в роли комика - Буффо. Он меняется в росте на глазах зрителя – то невысокий, то длинный и худой, как мощи. Ни усов, ни традиционной бородки клином, лицо бритое, на первый взгляд – исключительно комическая фигура, которая постепенно окрашивается иным цветом. Он смешон, но он и страшен, просто жуток. Вот они, отцы-иезуиты: могучая власть в их цепких лапах; не безобидный старичок перед вами, а гнусный клеветник! Арию о клевете Шаляпин поёт тихо, лишь усиливая до fortissimo звук в словах «и как бомба разрывает» и в последних 2-3-х тактах арии. А эффект громадный! Знаменитый пианист Рауль Пюньо воскликнул, прослушав Шаляпина: «Ведь это же кошмар! Я и не представлял себе, какое это оружие - клевета!» Зрители всё время постоянно и напряжённо следят за этой фигурой, одновременно комической и какой-то зловещей.

ИВАН ГРОЗНЫЙ

В 1914 г. я дважды слышал Фёдора Ивановича в «Псковитянке». Интересные данные о первой постановке оперы и о толковании роли Грозного, которая ему долго не удавалась, можно найти в автобиографии Шаляпина. Грим, интонация, движения дают достаточно яркое представление о Грозном, самодержце всея Руси. То ядовитый, то насмешливый, то страшный, то испуганный смертью своей дочери, царь и человек – вот каков Иоан – Шаляпин. В партии нет ни одной арии, где можно развернуться певцу. Вся она построена на музыкальном речитативе. Недаром же наши доморощенные басы так неохотно брались за «Псковитянку». Петь здесь нечего, да по существу, они, пожалуй, и правы. После Шаляпина тут нечего делать

певцам, у которых всё направлено на искусство давать звук и только, для которых речитатив труден, а целая партия, построенная на речитативе – настоящий камень преткновения. Ясно, почему эта опера даётся так исключительно редко, даже на родине её написания.

Картина подарена автору Шаляпиным

ДВА МЕФИСТОФЕЛЯ

К так называемым коронным ролям относят обычно и партию Мефистофеля в опере Гуно «Фауст». Достаточно известная своей мелодичностью и грацией многих мелодий, эта опера грешит почти полным отрывом от текста гётевского «Фауста». Сущность оперы сводится к любовной интрижке омолодившегося старичка плюс фигура Мефистофеля с двумя красивыми ариями. Вот тут-то творческий гений Шаляпина и восполняет прорыв в либретто оперы. Шаляпинский Мефистофель – это дух всеобщего отрицания, циник,

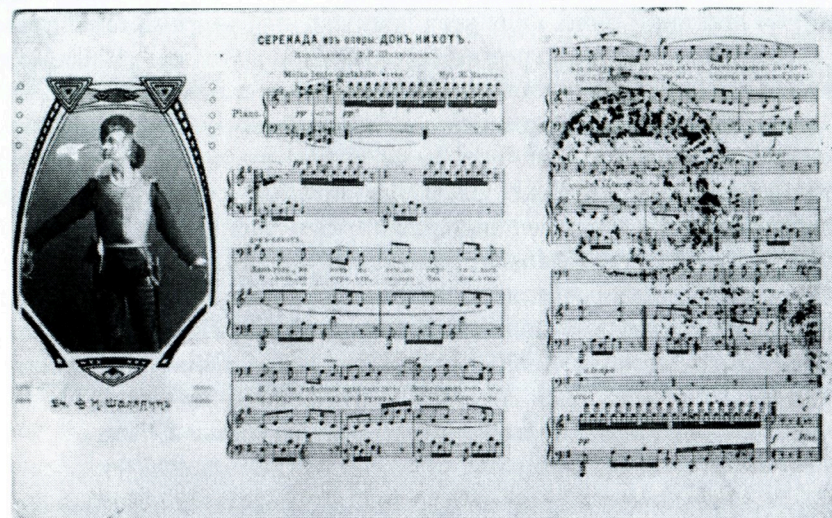
выворачивающий всё наизнанку. Заключительная сцена 3-го действия, когда Фауст бросается к окну Маргариты, а Мефистофель ехидно смеётся – одна из сильнейших сцен. Не любовь это, а просто похоть, один половой акт – вот что говорит лицо Шаляпина – Мефистофеля в этот момент. Это отвратительно, жутко, но громадно.

Ни у кого из слышанных мною басов не звучит так «Заклинание цветов», ни у кого не отделаны в мельчайших деталях фразы с Мартой и Зибелем, заставляющие вас по меньшей мере улыбаться. Жутко звучит и серенада «Выходи, о друг мой нежный». И тут фразировка Шаляпина достигает верха насмешки, цинизма и сарказма. Никогда не забыть лицо Мефистофеля, которого студенты осеняют крестом. И паузы в споре не менее сильны, чем куплеты, серенада и чисто лирические места.

Наряду с Мефистофелем Гуно, Шаляпин великолепен и в опере Бойто. Музыка менее интересная, чем у Гуно, но текст ближе к творению Гёте. Это единственная опера, которую я слышал за кулисами. Она мне памятна, как самим исполнением Мефистофеля, так и некоторыми особенностями Шаляпина – артиста. Я стоял почти у самой рампы в боковой кулисе и смотрел, как ведут себя артисты и хористы. Уже началась увертюра, вот идёт на своё место Шаляпин, приветливо кивает головой хористам. Дан красный свет, и в облаках появился Мефистофель. Больше нет Фёдора Ивановича, а есть дух отрицания, сильный и могучий дух зла. Это передаётся, как электрической искрой, хору. Исчезли улыбки, смешки. Шаляпин увлекает, ведёт за собой и артистов, и хор. Идёт действие в саду. Не знаю, что случилось с артистом Мосиным – Фаустом, но он с Маргаритой прошёлся не по диагонали, а под самым носом Мефистофеля и Марты. Шаляпин доходит до кулисы, где, затаив дыхание, слежу за его лицом, за каждым его жестом, и говорю мне тихо: «Видел, Сергей Александрович, это не артист, а тумба ватерклозетная». Марта так и покатила со смеху. Поворот – и больше нет Шаляпина, один дух зла. Я прямо обомлел. Да, Шаляпин в совершенстве владел собой. Позже он мне сказал: «Когда я пою, то сердце у меня горячее, а ум холодный». Он, кто увлекает за собой тысячную толпу слушателей, вызывает у неё смех или слёзы, гнев или радость, переживает мельчайшие нюансы чувств в своём герое, оставляет холодным ум. Каждый жест, движение, взгляд всегда оправданы, верны и правдивы. Царь Борис прощается с сыном, замер потрясённый зал, а Фёдор Иванович успевает сказать плачущей

Збруевой: «Не плачь, Женя.» Какое соединение двух, казалось бы, несоединимых начал: вдохновения, уносящего артиста далеко от рампы, и какой-то математической точности в игре. Поистине, только гений может это совместить.

ДОН КИХОТ

Узнав, что Шаляпин ставит оперу «Дон Кихот», мы были удивлены. «Дон Кихот» - одна из самых слабых опер Массне и, пожалуй, что одна из слабых опер вообще. Если у Гуно от гётевского «Фауста» осталась канва, то у Массне от Сервантеса не осталось камня на камне, так всё исковеркано до неузнаваемости.

Рыцарь печального образа любит Дульцинею, городскую кокетку. В лунном свете на площади появляется странная, нелепая фигура Дон Кихота с узкими длинными ногами, несуразная, неволью вызывающая усмешку. В его руках мандолина. Сколько глубокого чувства вкладывает Шаляпин в слова серенады. Дульцинея жалуется, что её ожерелье похищено разбойникам и, смеясь, просит Дон Кихота, если он действительно любит её, вернуть ей это ожерелье.

С необыкновенным мастерством сыграна сцена в ущелье. Героя окружают разбойники. Странная фигура вызывает у них смех и издевательства. «Повесить его!», - приказывает главарь шайки. И вот тут Дон Кихот преображается. Лицо его озаряется каким-то

необычным внутренним светом, он весь сияет. Разбойники отступают... и становятся на колени. Дон Кихот говорит им о высшей правде, которую он ищет, требует вернуть ожерелье. «Не ожерелье важно тут», его похищение – только символ зла и насилия. Вернуть его – значит дать восторжествовать правде над ложью, добру над злом. Ему приносят ящик с драгоценностями. И Дон Кихот побеждает насилие любовью, словом правды, светом рассеивает мрак. И даже великий прозаик Санчо, видя всех преклонёнными, сам становится на колени, преклоняясь перед величием Дон Кихота. Невозможно удержаться от слёз в этом месте – хороших, очищающих душу слёз. Когда мой отец, ещё не слышавший «Дон Кихота», спросил Фёдора Ивановича, зачем он ставит такую никчемную оперу, Шаляпин ответил, что ему известны слёзы в зрительном зале, - и это ему высшая награда и ответ на вопрос.

4-я картина. Дон Кихот неузнаваем. Сознание своего подвига, в полном и лучшем смысле, даёт ему силу и радость. Он не сомневается в приёме, который ему должна оказать любимая. Дульцинея, увидев его, резко спрашивает, принёс ли он ожерелье. «Она сомневается», - гордо и с тёплой иронией говорит Дон Кихот. Он подаёт ожерелье, и Дульцинея в порыве благодарности целует героя. Счастье рыцаря достигает апогея. Он любим! И тут же просит свою красавицу, мечту, грёзу, стать его женой. Бедный чудак! Презрительный смех, пожатие плечами... Дульцинея и гости уходят, смеясь над предложением Дон Кихота. А он... Где его гордая осанка! Фигура, которая на наших глазах потеряла даже свою нелепость! Теперь перед нами человек, согнувшийся от душевной боли, переживающий глубокую трагедию. И вот перед нами опустился, вернее рухнул на скамейку уже и не человек вовсе, а какая-то развалина, жалкая, смешная, убогая развалина. Санчо выходит из себя. Он понял величие духа рыцаря, он оскорблён за него. С трудом поднимает он Дон Кихота и уводит из дома, где рушатся мечты о счастье.

Это действие Шаляпин проводит потрясающе. Не надо забывать, что музыкальный материал крайне незначителен. Но драматический талант Шаляпина редко где выявляется с такой силой.

Я СТАВЛЮ ДОН КИХОТА НАРАВНЕ С БОРИСОМ И СЧИТАЮ ЭТИ ДВА ОБРАЗА ВЫСШИМИ СОЗДАНИЯМИ ШАЛЯПИНСКОГО ГЕНИЯ.

Много говорилось о большом искусстве, которое достиг Шаляпин в гриме. Достаточно посмотреть снимки Фёдора Ивановича в

перечисленных операх. Не только лицо, но и шея, руки, все мускулы тела детально изучены Шаляпиным. Помню, раз в уборной Фёдора Ивановича сидел какой-то милый старичок. Певец гримировался, как всегда, сам. Парикмахер больше при сем присутствует. «Ну, Фёдор, смотрю я на тебя и не понимаю, то ли это грим, то ли это живой человек. Ну и молодец!» Старичок оказался И.Е.Репиным. Действительно, в двух шагах нельзя было заметить, что наложены краски. Это был грим Дон Кихота.

Пришлось мне зимой 1911 г. немного наблюдать режиссёрскую работу Фёдора Ивановича над «Хованщиной». Шаляпин иногда возвращался из Мариинского театра с репетиции прямо-таки убитый и подавленный тем непониманием и отсутствием чуткости, которые он встречал в артистах. То, что ему было понятно часто интуитивно, приходилось по много раз повторять, и не всегда с желаемым результатом. А Фёдор Иванович показывал всё одинаково убедительно, от движения пьяного до движения князей включительно. А «Хованщина» была им поставлена превосходно. Ожил хор, задвигались остальные артисты. Насколько Шаляпин смог, он сдвинул гору оперных традиций с места.

В концертах певца я не слышал ни одной оперной арии. Романсы и песни в его исполнении ничуть не ниже его оперных достижений. А трудность не меньшая, Каждый романс вызывает своё особое настроение. И создаётся это за 2-3 минуты, романс окончен, звучит следующий, и вы чувствуете себя в плену у Шаляпина, он делает с вами всё, что захочет. А ведь в концертных программах Шаляпина и чистейшая лирика, и комизм, и глубокий драматизм. Всё в равной степени подвластно его гению. Из лирических произведений особо поставлю серенаду Шуберта. Никто не передаёт её так, как Фёдор Иванович. Тут богатейшая гамма любви, ожидания, томления, глубокой страсти. Трудно выделить что-либо из богатейшего репертуара, но всё же ещё вспоминаю вдохновенное исполнение Марсельезы. Это один сильный порыв, одно могучее движение вперёд.

«ТЕАТР - ЭТО ТИНА»

В заключение воспоминаний укажу на роль, сыгранную Фёдором Ивановичем в моей личной жизни. Последний год в Училище

Правоведения я мало думал о будущей службе и мечтал с осени 1912 г. поступить в театральное училище. Однажды, когда мы гуляли по берегу Волги, он сам спросил меня о планах на будущее. Я сказал, что мечтаю о сцене, не воображаю себя талантом, но в свои способности верю. Фёдор Иванович задумался (наверно, вспоминая начало своей карьеры) и сказал: «Если Вы, Серёжа, любите сцену более всего, готовы подметать её, зажигать лампы, готовы бросить отца и мать, и семью, если сцена – всё, то я благословляю Вас, но если всего этого у Вас нет, если у Вас есть способности (я их не отрицаю, но не знаю, насколько велики они), способности и только способности, но нет таланта, если вне сцены есть для Вас что-либо более дорогое, то бегите от театра. Это тина, она Вас засосёт, возврата нет. Вы будете раскаиваться, говорить о том, что могло бы из Вас выйти что-то другое, но сил вырваться из театра не будет. Поймите меня правильно и решайте.» Этот разговор происходил дважды, и второй раз Шаляпин повторил дословно то же самое. Прав ли он, величайший из артистов?

Прошло 20 лет. Всё это время самым любимым делом у меня остаётся музыка и сцена. А играть приходилось много: 4 летних сезона с хорошими профессионалами. Постоянно слышу о своей игре хорошие отзывы и думаю, что на сцене я мог бы быть не только «полезностью». Так в чём же дело? Видимо в том, что не хватило духу бросить семью, как он в своё время, и полюбить черновую работу театра всем сердцем, всем разумением своим. А в этом Фёдор Иванович неопровержимо прав. Сцена должна заслонять всё остальное, быть для артиста главным в жизни. Для настоящего артиста главное – только сцена. Я это понял и могу сказать Фёдору Ивановичу за его совет только искреннее спасибо.

В Утешном был особенный воздух, Шаляпин был в каком-то особом, приподнятом настроении, его пение настолько завораживало, что забывалось всё окружающее.

Я СЧАСТЛИВ И БЕСКОНЕЧНО БЛАГОДАРЕН СУДЬБЕ, ПОДАРИВШЕЙ МНЕ ДРУЖБУ С ШАЛЯПИНЫМ, ДАВШИМ МНЕ САМЫЕ ВЫСШИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ, ПОКАЗАВШИМ СВЕРКАЮЩИЕ ПЕРЕЛИВЫ ИЗМЕНЧИВЫХ СТРАСТЕЙ И ЗАСТАВИВШИМ МЕНЯ УВИДЕТЬ НАЯВУ ВОЛШЕБНЫЕ СНЫ.

Вспоминаются слова Шаляпина: «Любить – это всегда счастье, что бы мы не любили. Но любовь к искусству – величайшее счастье нашей жизни.»

До боли обидно, что такой гениальный артист, крестьянин по происхождению, эмигрировал. Это объяснить можно только тем, что гениальнейший артист и певец знает себе цену и, нечего греха таить, деньги любит и не может простить Советской России, что пропали его деньги, действительно заработанные личным трудом. В политике Ф.И. всегда был слаб, развёртывавшихся с 1917г. по 1923 г. событий он, как следует не понимал и выбравшись из Советской России, решил в неё не возвращаться. Я думаю, что не ошибусь, если буду утверждать, что всё дело в «презренном металле». Золотой телец, о котором он так выразительно пел, чтим ещё многими и Ф.И., к сожалению, не составлял исключения. Никаких политических мотивов его отъезда, вернее эмиграции, я не вижу и никогда в них не поверю. Потерянные несколько сот тысяч рублей, дом в Москве и два имени – вот где зарыта собака.

ГОРЬКИЙ О ШАЛЯПИНЕ

«В русском искусстве Шаляпин - эпоха, как Пушкин.»

«Я пойду его слушать, даже если он целый день будет петь только одно: «Господи, помилуй!» Уверю тебя, он и эти два слова так может спеть, что Господь, он непременно услышит, если существует, и сейчас же помилует всех и вся, или превратит землю в пыль и хлам. Это уже зависит от Шаляпина, от того, что он захочет вложить в эти два слова.»

«Такие люди, каков он, являются для того, чтобы напомнить всем нам – вот как могуч, красив, силен, талантлив русский народ, вот плоть от плоти его человек, своими силами прошедший сквозь терния и теснины жизни, чтобы гордо встать в ряд с лучшими людьми мира, чтобы петь всем людям о России, показать, как она внутри, в глубине своей, талантлива, крупна, обаятельна. Любить Россию надо, она этого стоит, она богата великими мыслями и чарующей красотой. Вот о чём поёт Шаляпин всегда и везде. За это мы бы и должны поклониться ему благодарно, дружелюбно. Фёдор Иванович Шаляпин всегда будет тем, что он есть – ослепительно ярким и радостным криком на весь мир: Вот она, Русь, вот каков её народ, дорогу ему, свободу ему!»

ЗАВЕЩАНИЕ

Константин Коровин, художник, друг Шаляпина, вспоминал: «Как-то в деревенском доме у меня Шаляпин сказал: «Я куплю имение на Волге... Понимаешь ли, - гора, а с неё видна раздольная Волга... Когда я отпую, я буду жить там и ЗАВЕЩАЮ ПОХОРОНИТЬ МЕНЯ ТАМ, НА ХОЛМЕ.»

ПРИМЕЧАНИЯ

Сергей Александрович Щулепников до последних дней жизни поддерживал дружественные отношения с дочерью Шаляпина Ириной, оставшейся в Москве, не эмигрировавшей вместе с отцом. Он часто читал лекции о Шаляпине в пединституте, музучилище, библиотеках, домах отдыха, на пароходе, когда путешествовал по Волге.

О пребывании Шаляпина в усадьбе Утешное в СМИ много информации со всякими небылицами и даже явной ложью. Книга Сергея Александровича так и не была напечатана, но разошлась отрывочными цитатами по разным изданиям, где даже цитаты автора своеобразно изменены журналистами. Сергей Александрович дружил с Фёдором Ивановичем с 1910 года до Октябрьской революции 1917 года. Уникальнейшие фотографии Шаляпина, сделанные в Утешном Мефодием Ивановичем Кузнецовым, мужем Ксении Щулепниковой, были отданы журналистам для публикации, но в семьи Щулепниковых и Кузнецовых так и не вернулись. Кое-что есть в интернете.

1. В книге В.Ермолаева «Плѣс – жемчужина Волги» есть фотография дома в Утешном, «где четыре раза бывал Ф.И.Шаляпин». Она же есть и в интернете. Дом буквой Т с двухэтажной деревянной пристройкой. На самом деле, дом был в форме прямоугольника, «с 3-мя террасами. Одна выходила на Волгу, дверь на неё была из гостиной во 2-м этаже, другая выходила в сад-цветник и была крытой – крышей служила верхняя терраса». (В книге С.Щулепникова «От дворянского гнезда до коммуны», 2022 г.) Как появился Шаляпин в Утешном, тоже ходят разные легенды. Истина – в воспоминаниях Сергея Александровича.

Ксения

Александр Сергеевич
Екатерина Ивановна
Щулепниковы

2. В интернете есть фото хозяев Утешного. Но это уже дом в Чугуеве, под Харьковом, который им купил зять М.И.Кузнецов, учёный-коксохимик, профессор Харьковского института.

3. Явная ложь, растиражированная разными СМИ, о приезде артиста в Хмельницы в 1914 г., о его недовольстве дачей, об отказе от дачи из-за не спеленной берёзовой рощи, закрывающей вид на Волгу. Строительство выполнялось по плану, согласованному с Шаляпиным, под непосредственным контролем Александра Сергеевича Щулепникова, *никаких отступлений от проекта не было. Разве мог Шаляпин, влюблённый в картины Левитана и в его «Берёзовую рощу», захотеть уничтожить эту красоту?!* Война 1914 года нарушила все планы Фёдора Ивановича. Дачи своей он так и не увидел. Последний раз он был в Утешном осенью 1912 г.

4. В.Гительмахер, опубликовавший «цитаты» из воспоминания С.А.Щулепникова, напечатал и фото Шаляпина в ж. «Огонёк» № 2000 за 1965 г., а также в журналах «Волга», «Коммунист» в 1966 – 1967 г. и др. До 1977г. – В.Гительмахер, после 1977г. стал В.Берлин. В 2001 г. в Харькове издал книгу «Бессмертный человек с разными песнями».

16+

Литературно-художественное издание

Щулепников Сергей Александрович

Шаляпин в усадьбе Утешное

Подготовка к публикации, редактирование
Щулепникова Т. И.

Художник, дизайнер
Шабанова Г. Е.

Компьютерная верстка
Шабанов Д. В.

Технический редактор
Демьянчук Т. В.

Допечатная подготовка
Гладышева Т. В.

Подписано в печать 5.04.2022. Дата выхода 10.05.2022.

Формат 62 x 94 ¹/₁₆. Печать цифровая.

Бумага для высокохудожественных изданий пл. 80 г/м².

Усл. печ. л. – 2,25. Заказ № 1408. Тираж 100 экз.

© МАГНИТОГОРСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ

РФ, 455023, Челябинская область, г. Магнитогорск, пр. Карла Маркса, 69.

Тел. 8 (3519) 26-14-95. Факс 8 (3519) 26-15-01

e-mail: po@mdp.mgn.ru • www.print.mgn.ru